

Виноградов Борис Витальевич, Вартанян Ханума Сергеевна

ДВИЖЕНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ШЕЙХА МАНСУРА В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье анализируются причины и специфические черты движения под предводительством шейха Мансура (1785-1791) в контексте сложившихся внешнеполитических факторов и региональных обстоятельств российско-горского взаимодействия. Усиление России на Кавказе вследствие победы в османо-российской войне 1768-1774 гг. и раздела Крымского ханства в 1783 г. привело к изменению ранее существовавшей в регионе системы сдерживаний и противовесов. В данных условиях традиционная для горских сообществ набеговая экспансия в совокупности с исламским фактором предопределила движение шейха Мансура как первое на Северном Кавказе антироссийское движение под религиозными лозунгами. Это осложняло перспективы интегрирования горцев в российскую государственно-правовую систему.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 39-42. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

26. Романова Е. Н., Данилова Н. К. Мифология периферийных этносов и субэтносов тюркско-монгольского мира: реконструкция охотничьих и воинских культов // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 292-330.
27. Функ Д. А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. 268 с.
28. Элерт А. Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII в. (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI-XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 107-124.
29. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 404 с.
30. Якутские загадки / сост. С. А. Ойунская. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1975. 375 с.

**THE OGHUZ SIGN IN THE RELIGIOUS-MYTHOLOGICAL IDEAS
OF THE SAKHA PEOPLE (THE SEMANTICS OF THE IMAGE OF THE BULL)**

Vasil'ev Valerii Egorovich, Ph. D. in History

Danilova Nataliya Ksenofontovna, Ph. D. in History

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
valera305@mail.ru; dan_nataliksen@mail.ru*

The article reveals archaic ideas associated with the folk-mythological image of the Bull of the Sakha people. On the basis of a broad corpus of sources the origins of the Bull cult are studied, the stability of the mythological plots of the Sakha people, ascending to the Hunnic and Old Oghuz roots, is investigated. Attention is paid to the archaic motifs of the Yakut mythology, in which the totemic roots of the Bull's image are traced from the Hunnic period to the XX century. These motifs are fixed in the epic tales of the Sakha people and the Buryats, genetically related to the ancient Turkic tribes of the Baikal region.

Key words and phrases: the Huns; the Turkis; the Oghuzes; Sakha; rituals; myths; totem; epic; tales; archaic universe; Bull of winter; semantics; image.

УДК 94(470.6)

Исторические науки и археология

В статье анализируются причины и специфические черты движения под предводительством шейха Мансура (1785-1791) в контексте сложившихся внешнеполитических факторов и региональных обстоятельств российско-горского взаимодействия. Усиление России на Кавказе вследствие победы в османско-российской войне 1768-1774 гг. и раздела Крымского ханства в 1783 г. привело к изменению ранее существовавшей в регионе системы сдерживаний и противовесов. В данных условиях традиционная для горских сообществ набеговая экспансия в совокупности с исламским фактором предопределила движение шейха Мансура как первое на Северном Кавказе антироссийское движение под религиозными лозунгами. Это осложняло перспективы интегрирования горцев в российскую государственно-правовую систему.

Ключевые слова и фразы: раздел Крымского ханства; российско-горское взаимодействие; подданнические присяги; процесс исламизации; набеговая экспансия.

Виноградов Борис Витальевич, д.и.н., профессор

Вартанян Ханума Сергеевна

*Армавирский государственный педагогический университет
vinogradov.b@mail.ru; vartanayn1994@mail.ru*

**ДВИЖЕНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ШЕЙХА МАНСУРА
В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ ИНТЕГРАЦИИ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
В РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась решающим усилением России в противоборстве за Кавказ с Османской империей и Ираном. Это было связано с победой над Турцией в войне 1768-1774 гг., последовавшей в ее результате «нейтрализацией» Крымского ханства и признанием в российском подданстве Кабарды. Данные обстоятельства обусловили значительное изменение этнополитической ситуации на Северном Кавказе, когда открывавшиеся для российской политики в регионе перспективы оказались сопряжены и с новыми проблемами, связанными с явным ослаблением турецко-крымской угрозы местным народам, долгое время во многом предопределявшей их ориентацию на Россию. Условия Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., как и фактическое денонсирование Белградского трактата 1739 г. еще в ходе войны, позволили российским властям заметно активизировать свою деятельность, что выразилось и в принятии в российское подданство ингушей и осетин [13, с. 440, 442-443]. Однако это вызвало стойкое неприятие кабардинской знати, считавшей последних своими данниками и вообще фактически оспаривавшей свое российское

подданство в изменившихся региональных условиях. Еще большее, вооруженное, сопротивление встретило возведение в 1777-1778 гг. укреплений Азово-Моздокской линии [15, с. 96-99]. Таким образом, реальные перспективы интегрирования в российское государственно-правовое поле этносоциальных сообществ Центрального Кавказа заметно осложнились, что определялось и неоспоримой разницей в социокультурном развитии субъектов российско-горского взаимодействия.

Не проще складывались обстоятельства на Северо-Восточном Кавказе. Известно, что к 1781 г. большинство плоскостных чеченских обществ присягнуло на подданство России, что, собственно, было условием их расселения на землях, которые российские власти считали себе подконтрольными. Однако уже ближайшие события показали, что чеченцам, находившимся на догосударственной и доклассовой ступени развития при наличии набеговой традиции, оказалось невозможным выполнять статьи подданических присяг, особенно по части недопущения набегов на российские поселения и коммуникации. В совокупности с завершением процесса исламизации равнинных чеченцев, приведшим к идеологической освященности набеговой практики, это привело к постоянным конфликтам с российскими властями [8, с. 41-42].

В 1783 г. произошел раздел Крымского ханства между Россией и Османской империей. Данный фактор, вкуче с оформившимся тогда же протекторатом над Восточной Грузией, явно позиционировал Россию в качестве сильнейшей стороны во внешнеполитическом противоборстве за Кавказ. Однако теперь крымская угроза для северокавказских горцев вообще сходила на нет, а османская – еще более уменьшалась. Зато быстро обнаружались противоречия между российскими властями и дагестанскими владетелями, которые, формально состоя в российском подданстве, не отказывали себе в праве совершать набеги на Восточную Грузию, пребывавшую теперь под российской «протекцией» [7, с. 124-126]. Вообще следует признать, что на набеговую экспансию и работорговлю приходился значительный баланс конфликтности в горско-российских взаимоотношениях.

Обстоятельства 1783 г., когда новая российская граница прошла по Кубани, привели к складыванию в регионе той системы российских укреплений, которую принято называть Кавказской линией. И хотя ее укрепления не находились собственно на горских землях, они объективно ограничивали «этносферу» горцев, пресекая набеговый промысел. Но одновременно коммуникации и поселения Кавказской линии стали и приоритетным объектом для набегов, вектор активности которых был переориентирован на «российское направление».

В данном широком и сложном контексте следует анализировать причинность и, собственно, события разразившегося в 1785 г. антиросийского движения под предводительством шейха Мансура (1785-1791 гг.). Представляется, что движение шейха Мансура было предопределено как имевшими место тогда социальными противоречиями в чеченском обществе [5, с. 182; 14, с. 26], так отчасти и антиросийской деятельностью турецких эмиссаров в регионе. Впрочем, последний фактор, как показывают современные исследования, не стоит считать доминирующим [12, с. 382-387]. Зато фактор отсутствия в регионе лояльного по отношению к России мусульманского духовенства, в совокупности с «иммунностью» горского традиционализма к «внешним» социокультурным конструкциям и ограничениям, видится весьма значимым как в данном случае, так и в общем контексте проблем развития российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне.

Движение под предводительством шейха Мансура получило значительное историографическое освещение на разных этапах развития отечественного и зарубежного кавказоведения при наличии разных оценок его причин и сущности [1-4; 10-12; 20]. В данной связи отпадает необходимость фактографического его изложения.

К середине 1780-х гг. ситуация в Чечне, где сложилось это движение, была, как уже нами отмечалось, сложной в связи с проявившимися кризисными явлениями во взаимоотношениях чеченцев и региональных российских властей и специфическими проявлениями социально-конфессиональных противоречий в самом чеченском обществе [7, с. 121-124].

Немалой бездоказательностью, как мы считаем, отмечены историографические попытки связать причины движения шейха Мансура с насаждением на Северо-Восточном и Центральном Кавказе российской власти, захватом горских земель и вообще колониальной экспансией [15, с. 109; 16, с. 14; 17, с. 8]. Сомнителен сегодня и основанный на методе классового анализа постулат, что горцы боролись не с русскими как таковыми, а с «колонизаторами», «эксплуататорами», «царизмом». Зато представляется верным, что проповеди религиозной неприязни, нетерпимости, а тем более «священной войны» не имели социальных адресатов, а были направлены против любых и всех «киноверцев» [9, с. 141].

В причинности движения, применительно собственно к Чечне, проступает мотив равнинных чеченцев «исконизировать» полученные в результате принятия российского подданства земли, что уже было несовместимо с соблюдением условий соответствующих присяг и восприятием их в принципе. К тому же идейную освященность теперь приобретала набеговая практика, вектор активности которой сместился в сторону российских поселений и коммуникаций [4, с. 130].

Кроме того, практически сразу присутствовал мотив захвата российских владений на Северном Кавказе, которые шейхом Мансуром объявлялись «мусульманской землей» [14, с. 6]. Таким образом, ставилась цель посредством идеологизированной набеговой экспансии захватить территории, выходящие за рамки традиционного и вновь обретенного расселения чеченцев, зато соответствовавшие их новым представлениям о собственной «этносфере». Между тем кавказские реалии конца XVIII в. уже явили пример территориального приобретения путем «систематизированных» набегов, как в случае овладения лезгинами частью Кахетии.

Следует отметить, что шейху Мансуру, весьма одаренному проповеднику и оратору, были присущи весьма специфические трактовки российской деятельности на Северном Кавказе, довольно далекие от объективности, зато вполне пригодные для антиросийской и антихристианской «этноконфессиональной мобилизации».

Контекст движения позволяет утверждать, что оно было направлено на создание теократического раннегосударственного образования, во главе с самим шейхом Мансуром при доминирующей роли чеченцев, ставших к этому времени самым многочисленным этносом на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Однако реалии этнополитической обстановки на территориях, охваченных движением (Чечня, Кабарда, часть Кумыкии), вряд ли могли этому способствовать. Некогда успешный опыт арабских завоеваний под исламскими знаменами, как представляется, совершенно не годился на Северном Кавказе из-за наличия того военно-политического соперника (Россия), силы которого объективно намного превосходили любые мобилизационные возможности горцев.

К тому же практически неизбежная для теократии деспотичность власти пришлось бы не по вкусу горцам, особенно тем же чеченцам, находившимся на явно догосударственной ступени развития. А кабардинская и кумыкская знать вряд ли надолго бы смирилась с чеченским доминированием.

Нелишне вспомнить и то, что сами события движения показали: степень приверженности горцев шейху Мансору напрямую зависела от перспектив захвата добычи, что в условиях «российского фактора» не могло надолго способствовать ни этноконфессиональной консолидации, ни прочным контурам раннегосударственного образования.

Зато вполне можно утверждать, что движение явилось своеобразной горской альтернативой усилению и самому присутствию России в регионе в изменившейся этнополитической и конфессиональной ситуации.

В 1787 г., после ряда поражений от российских войск и отхода от движения большинства сторонников [18, д. 13, ч. 11, л. 261; 19, д. 366, ч. 4, л. 26], шейх Мансур ушел в формально турецкие владения за Кубань, откуда, в условиях османо-российской войны 1787-1791 гг., продолжил свою антироссийскую деятельность, теперь уже поднимая на «священную войну» западных адыгов, исламизация которых была меньшей, чем в Дагестане, Чечне и Кабарде.

Движение шейха Мансура имело немалые последствия для развития российско-горского взаимодействия. Набеговая экспансия впервые получила идеологическое обоснование, а исламские лозунги впервые применялись для противодействия российскому видению развития взаимоотношений с горцами. Ранее все попытки тех же турок поднять горцев на «священную войну» против России заканчивались в целом неудачно. Теперь же имела место попытка осуществления «исламского трансформационного сценария» развития местной обстановки, в котором России отводилась роль своеобразного «мотиватора» для развития горской «пассионарности». А для этого не надо было наличия какой-то «колониальной экспансии», хватало и самого присутствия России в качестве «мобилизующего объекта».

В данном широком контексте российское видение перспектив развития взаимоотношений с горцами, равно как и конкретные действия российских властей, направленные на постепенное ненасильственное интегрирование этносоциальных сообществ Центрального и Северо-Восточного Кавказа «в орбиту» государственно-правовой системы империи, наталкивалось зачастую на «иммунное» неприятие или активное противодействие [6, с. 56-133].

Список источников

1. **Ахмадов Ш. Б.** Имам Мансур. Грозный: Книга, 1990. 215 с.
2. **Ахмадов Ш. Б.** Об истоках антифеодального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии: сборник работ аспирантов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. Т. IX. Вып. III. С. 25-36.
3. **Бенигсен А.** Народное движение на Кавказе в XVIII в. (Священная война Шейха Мансура (1785-1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала: ДНЦ РАН, 1994. 85 с.
4. **Блиев М. М., Дегоев В. В.** Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
5. **Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2-х ч. М.: Типография С. Селивановского, 1823. Ч. 1. 385 с.
6. **Виноградов Б. В.** Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX века. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2009. 138 с.
7. **Виноградов Б. В.** Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. 384 с.
8. **Виноградов Б. В.** Чеченские подданнические присяги 1781 года: возвращаясь к проблематике // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы (к 70-летию В. Б. Виноградова): материалы межрегиональной научной конференции. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. С. 40-43.
9. **Виноградов В. Б.** К трактовке социально-политического содержания и религиозной оболочки войн и народных движений на Северном Кавказе в эпоху Средневековья (VIII-XVIII вв.) // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1978. Вып. 1. С. 137-149.
10. **Гасаналиев М.** Шейх Мансур (Ушурма) как руководитель освободительного движения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 20-31.
11. **Дегоев В. В.** Непостижимая Чечня: шейх Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. 256 с.
12. **Дударев С. Л.** Еще раз о «турецком следе» в движении шейха Мансура // Дударев С. Л. Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии: к 60-летию со дня рождения / Международная акад. информатизации; Общественная акад. наук, культуры и образования Кавказа; Армавирская гос. пед. акад.; Каф. всеобщ. и региональной истории АГПФ. М.: Илекса, 2011. С. 382-387.
13. **История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.** / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.

14. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. 6. С. 1-62.
15. Мальбахов Б. К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825). Нальчик: Эльбрус, 1998. 230 с.
16. Пашаева Ш. Ю. Кавказский мюридизм в Дагестане и Чечне: возникновение, становление, развитие (1821-1838): автореф. дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2002. 25 с.
17. Рамазанов Х. Х. Колониальная политика русского царизма на Северо-Восточном Кавказе как главная причина борьбы горцев за независимость // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: материалы всесоюз. науч. конф. (20-22 июня 1989 г.) / отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии; Ин-т яз., лит. и искусства, 1994. С. 7-11.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 23. Кавказские дела.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Князя Г. А. Потемкина-Таврического. Оп. 1/194.
20. Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 15-24.

SHEIKH MANSUR MOVEMENT IN THE CONTEXT OF PROSPECTS FOR INTEGRATION OF PEOPLE OF THE CENTRAL AND NORTH-EASTERN CAUCASUS INTO THE RUSSIAN STATE-LEGAL SPACE

Vinogradov Boris Vital'evich, Doctor in History, Professor
Vartanyan Khanuma Sergeevna
Armavir State Pedagogical University
vinogradov.b@mail.ru; vartanayn1994@mail.ru

The article analyzes the motives and specific features of Sheikh Mansur movement (1785-1791) in the context of established foreign-policy factors and regional peculiarities of the Russian-Caucasian interaction. The reinforcement of Russia in the Caucasus due to the victory in the Russian-Turkish War of 1768-1774 and division of the Crimean Khanate in 1783 resulted in the changes in the established regional system of control and balances. Under such conditions traditional for mountain communities foray expansion combined with the Islamic factor predetermined Sheikh Mansur movement as the first in North Caucasus anti-Russian movement under religious slogans. It worsened the prospects for integration of the Caucasian people into the Russian state-legal system.

Key words and phrases: division of the Crimean Khanate; Russian-Caucasian interaction; Oaths of Citizenship; Islamization process; foray expansion.

УДК 1(091); 165.65

Философские науки

В статье раскрывается значение «иррационального» в русском неокантианстве конца XIX – начала XX века, где выявляются два основных подхода в понимании корреляции рационального и иррационального. Последовательно в рамках истории философии анализируются академический критицизм, представленный А. И. Введенским, и зрелое русское неокантианство, методологически ориентированное на Баденскую (С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко) и Марбургскую (В. Э. Сеземан, Б. А. Фохт) школы немецкого неокантианства. В работе делается вывод о наличии трёх моделей функционального использования иррационального в русском неокантианстве.

Ключевые слова и фразы: русское неокантианство; академический критицизм; теория познания; научное познание; иррациональное; рациональное.

Владимиров Павел Анатольевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
vladimirov_p_a@mail.ru

«ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ» В РУССКОМ НЕОКАНТИАНСТВЕ: ДВЕ ВОЛНЫ ПОНИМАНИЯ

В конце XIX – начале XX века в русской философии активно распространяются идеи немецкого критического идеализма, что обусловлено растущим интересом к вопросам теории познания. Происходит формирование русского неокантианства как самостоятельного направления в русской философии, обладающего независимым методологическим подходом в решении проблем социогуманитарного и естественнонаучного знания. Хронологически становление отечественной неокантианской мысли можно разделить на два этапа: первый – академический критицизм, представленный А. И. Введенским, И. И. Лапшиным, Г. И. Челпановым; второй – зрелое неокантианство, находящееся в тесном взаимодействии с Марбургской и Баденской школами немецкого неокантианства.

Специфика русского неокантианства выявляется в обнаружении иррационального компонента познания в структуре целостного знания. Хронологически сформировались две волны в понимании значения понятия иррационального: 1) определение иррационального, исходя из рецепции критического идеализма И. Канта; 2) на основании рефлексии идей немецкого неокантианства.